Хорошо, что булочки были с овощной начинкой, иначе неизвестно, смог бы Ду Чэн их есть. Но, вспомнив про пять-шесть кувшинов с соленьями в подсобке и то, что, чередуя их, можно кое-как перебиться это время, Нин Циянь немного успокоился.

После еды они начали собирать вещи. Поскольку ранее, когда передвигали палатку, в неё уже заходили и видели постель на полу, Нин Циянь не стал прятать её обратно в пространство. А так как вещей было много и унести всё не получалось, он велел Ду Чэну вынести постель наружу и отдать тамошним работникам. Судя по тому, что они видели снаружи палатки дважды, у здешних детей не очень тепло с ночными принадлежностями. Больше Нин Циянь выставить не мог, но раз уж эта постель оказалась на виду, он не слишком жалел, что отдаст её детям.

Что касается палатки, то у Нин Цияня их было всего три, и эта была самого удобного размера. Поэтому они вдвоём разобрали её, упаковали и, взвалив на плечи, унесли с собой.

Покинув парк Луншань, они увидели по обеим сторонам дороги два ряда машин, уходящих за горизонт. Хорошо, что Ду Чэн запомнил, где припарковался, иначе среди такого количества автомобилей найти свою было бы непросто.

Им приходилось то и дело останавливаться: многие участки дороги либо обрушились, либо были полностью заблокированы разбитыми в авариях машинами. Петляя и объезжая, они к вечеру всё-таки добрались до ворот своего квартала.

Как и помнил Нин Циянь, в районе университетского городка разрушения были несильными. В их квартале лишь два здания, стоящих у края, заметно накренились. Жильцов оттуда уже переселили в пункты временного размещения при университете. Большинство обитателей остальных домов тоже перебрались туда, и лишь немногие, считавшие свои дома безопасными, продолжали жить в них.

Ворота гаража немного перекосило, и из-за отключения электричества открыть их было нельзя, поэтому машину пришлось оставить прямо под окнами. Хорошо, что многие жильцы уехали, к тому же большинство угнали свои автомобили.

Лифт в здании тоже не работал. Они поднялись пешком, и когда, добравшись до квартиры, вошли внутрь, Нин Циянь уже тяжело дышал.

Ступив на порог, Нин Циянь первым делом потянул Ду Чэна за собой в пространство.

— В пространстве всё-таки дышится лучше, — Нин Циянь сел на стул под карнизом, глубоко вздохнул и с чувством произнёс.

Ду Чэн тоже присел отдохнуть, а немного отдышавшись, взял грязную одежду, которую Нин Циянь раньше свалил на пол, положил её в таз и замочил со стиральным порошком.

Воздух в пространстве был чистым, пахло землёй и растениями. Даже несмотря на то, что половину двора занимала живность, благодаря, возможно, очистительной функции самого пространства, запах от животных был несильным. Если не подходить к загону вплотную, неприятного запаха не чувствовалось, разве что в пасмурную погоду.

А вот снаружи, хотя после землетрясения прошло уже два дня, воздух всё ещё был полон пыли. Можно было представить, какой ужасающий запах начнётся, когда температура поднимется и неубранные вовремя трупы и мусор начнут гнить.

— Зачем столько воды? — спросил Нин Циянь, видя, как Ду Чэн без остановки черпает воду из колодца, уже наполнив три больших железных бочки.

— Сейчас отнесу в ванную в доме и постираю там. Мало ли, могла на одежду бактерия попасть, — объяснил Ду Чэн. В тазу лежала одежда, в которой они работали во время спасательных работ. Тогда они вместе с другими перетаскивали немало трупов, и Ду Чэн боялся загрязнить среду в пространстве. Лучше перестраховаться.

Нин Циянь, поразмыслив, понял, что имел в виду Ду Чэн, и сразу почувствовал себя неуютно. Вернувшись вчера в палатку, он сразу лёг спать, а проснувшись ночью, лишь бегло обтёрся. На теле была и грязь, и пот.

Выведя Ду Чэна из пространства, Нин Циянь сразу зашёл в ванную и тщательно помылся, лишь тогда почувствовав облегчение.

Выстирав одежду, Ду Чэн тоже принял душ, а затем рассказал Нин Цияню о своих планах.

В пять утра воинская часть, находившаяся за триста километров и отвечавшая за спасательные работы в городе D, наконец добралась до места. Дорога заняла сорок часов. Поскольку некоторые участки трассы были разрушены землетрясением и машины проехать не могли, большую часть пути солдаты преодолели бегом. Лишь после того, как городские власти соединились с частями, официально начались полномасштабные спасательные работы. Военные взяли на себя руководство спасением, а мэрия, осознав, что внезапное землетрясение затронуло весь мир, предвидела наступление редкого хаотичного периода. Поэтому, получив из центра приказ о введении военного управления с опорой на местные гарнизоны и вспомогательной ролью правительства, они без колебаний передали военным инициативу.

Пока что в других сферах это не проявлялось, но спасательные работы и распределение припасов уже осуществлялись под контролем военных.

После того как армия взяла на себя руководство спасательными операциями, из-за огромных масштабов бедствия и острой нехватки людей как в армии, так и в правительстве, первым делом было опубликовано обращение к выжившим. Любой здоровый выживший в возрасте от 20 до 50 лет мог подать заявку, пройти отбор и присоединиться к временным спасательным отрядам; за это полагался двойной паёк.

Одновременно все крупные торговые центры, продуктовые магазины и прочие места, где хранились запасы еды, независимо от того, были ли они разрушены или завалены, реквизировались военными. В чрезвычайное время — чрезвычайные меры. Остальные выжившие ежедневно получали еду и воду, в основном извлечённые из-под обломков скоропортящиеся продукты вроде хлеба и сосисок, либо паровые булочки, массово приготовленные специально назначенными поварами, вприкуску с тушёными овощами и мясом из общего котла. А те, кто вступил в спасотряд, получали двойной паёк; причём это могла быть как уже готовая еда, так и необработанные продукты длительного хранения — рис, мука и т. п.

После того как армия издала приказ, все более-менее сообразительные выжившие догадались, что ситуация в будущем, скорее всего, будет плохой. Поэтому и те, у кого были семьи на иждивении, и одинокие холостяки, которых заботила только собственная сытость, — большинство выбрало вступление в спасательный отряд, чтобы запасти побольше продовольствия для себя или своих родных и встретить возможный будущий кризис во всеоружии.

Нин Циянь, переживший три года жизни после землетрясения, не мог не радоваться, что его страна с первых же минут задействовала государственную машину для принудительного регулирования продовольствия. Иначе, как все узнали по мере восстановления связи, в некоторых странах, которые отреагировали недостаточно быстро или не применили жёстких мер, часть продовольствия оказалась в руках отдельных группировок, и последующий период великого хаоса едва не привёл к распаду государства.

План Ду Чэна был таков: он вступит в спасательный отряд. Это даст ему легальный источник пищи и возможность первым узнавать о новых указаниях или информации сверху. Но он не хотел, чтобы Нин Циянь тоже шёл. Во-первых, физическая подготовка Нин Цияня оставляла желать лучшего; во-вторых, спасательные работы — это слишком гнетущая обстановка, психика Нин Цияня легко поддаётся влиянию, и его состояние будет очень плохим.

Нин Циянь и сам не хотел снова переживать тягостные ощущения от спасательных работ. К тому же он не хотел, чтобы Ду Чэн тоже туда ввязывался. В ближайшее время источник их пропитания вряд ли вызовет подозрения: в конце концов, многие привыкли закупать продукты помногу за раз, и не все оказались на грани голода после коллапса торговли. Но они оба — взрослые люди, и Ду Чэн имеет право сам принимать решения. Нин Циянь не хотел чрезмерно его контролировать, хотя, стоит ему только возразить, Ду Чэн и не пошёл бы.

— Тогда будь осторожнее. Спасательные работы тоже опасны. Сейчас огромная нехватка медикаментов, и даже если есть врачи, лекарств может не оказаться. Каждый вечер возвращайся отдыхать, — помолчав, сказал Нин Циянь.

Ду Чэн кивнул, не стал больше ничего говорить, оделся и вышел, чтобы зарегистрироваться в пункте временного размещения.

Нин Циянь остался дома без дела и зашёл в пространство. Позволив Ду Дабао прыгать у него за спиной, он направился прямиком к курятнику.

Когда-то он купил цыплят и утят, только что вылупившихся из яйца. Прошло уже почти два месяца. Утки несутся поздно, но продавец говорил, что куры-несушки могут начать нестись и через два месяца. К сожалению, его куры пока так и не порадовали его яйцами.

Обойдя всё кругом и снова разочаровавшись, Нин Циянь почувствовал, что вот-вот начнёт бурчать под нос на кур.

В холодильнике осталось меньше двадцати яиц. Купил он их не так много, потому что яйца быстро портятся. Ду Чэн побежал записываться в спасотряд; если его выберут, ему придётся днями напролёт смотреть на изуродованные тела, а значит, он ещё долго не сможет есть мясо. Всё это время питание должно пополняться за счёт яиц. Если куры подведут, яйца не успеют за нуждами.

Живность Ду Чэн покормил ещё до того, как пошёл мыться. Нин Циянь прошёлся по кругу, заглянул ко всем по очереди и направился к огороду.

На огороде было посажено немало разных культур, но из того, что уже выросло и годилось в пищу, кроме огурцов, были только шпинат и пекинская капуста.

Нин Циянь нашёл в доме записи по огородничеству, которые он переписал раньше, прикинул, затем сходил в подсобку и отыскал семена салата и кинзы. Обе эти культуры растут быстро — примерно через месяц их уже можно есть. Засучив рукава, он посадил небольшую грядку на самом краю огорода.

Когда Ду Чэн вернулся и не увидел Нин Цияня, он понял, что тот в пространстве. Бездельничать он не стал: взял рюкзак, который до этого валялся у двери, вытряхнул его содержимое и с пустым рюкзаком снова спустился вниз.

Нин Циянь подумал, что Ду Чэн уже должен был вернуться, вышел из пространства, не застал его и выпустил Ду Дабао, чтобы пёс в опустевшей квартире составил ему компанию в ожидании.

12. Разделение обязанностей

Когда Ду Чэн добрался до дома, уже совсем стемнело. Он забыл взять с собой электрический фонарик, поэтому всю дорогу до квартиры шёл на ощупь в полной темноте. Как только он вошёл, в доме тоже было черным-черно. Почувствовав, что кто-то быстро приближается, Ду Чэн едва не пнул Ду Дабао, если бы уже не привык к звуку его бега.

— Почему так поздно? — Нин Циянь тоже на ощупь подошёл к двери, взял Ду Чэна за руку, другой рукой подхватил Ду Дабао и шагнул в пространство.

Свет во дворе Нин Циянь включил, как только начало темнеть. Едва они с собакой попали в

пространство, их ослепил яркий свет, и оба невольно прищурились.

Когда глаза привыкли, Нин Циянь увидел на плече у Ду Чэна большую сумку.

— Когда я вернулся и не застал тебя, то взял сумку и спустился вниз. Внизу уже немало народа рыщет по развалинам в поисках вещей, — сказал Ду Чэн.

Нин Циянь нахмурился. Раньше он не задумывался о том, что Ду Чэн не может свободно входить в пространство, но теперь понял, что это действительно неудобно. Однако заполучить просто так пространство — уже великая удача. Жаловаться на что-то ещё было бы неблагодарностью, да и что толку? Он всё равно ничего не знает о пространстве и способов узнать у него нет.

Он взял сумку Ду Чэна — она оказалась увесистой. Если бы Ду Чэн не поддержал её, Нин Циянь едва не выронил ношу.

— Что тут такое, что так тяжело… — не договорив, Нин Циянь вытаращил глаза, уставившись на то, что он высыпал из сумки, а потом перевёл взгляд на Ду Чэна.

— …Где ты это раскопал?

Неудивительно, что Нин Циянь был поражён: вся сумка была набита золотыми и серебряными украшениями. При свете они чуть не ослепили его.

— По дороге, когда шёл записываться, проходил мимо одного ювелирного магазина. После того как стемнело, залез внутрь и откопал, — объяснил Ду Чэн.

Нин Циянь попытался вспомнить, есть ли по пути от дома до университетского городка (пройти можно было меньше чем за десять минут) хоть какой-нибудь ювелирный магазин. Не иначе как Ду Чэн по пути на регистрацию специально сделал крюк, чтобы разведать обстановку!

— Пока люди не умерли с голоду, на это всегда найдётся спрос. К тому же армия уже взяла под контроль банки и крупные ювелирные магазины, — прокомментировал Ду Чэн. Контроль над этими местами был введён, чтобы предотвратить массовый выброс ценностей на рынок. Раз уж наверху по-прежнему придают этому значение, Ду Чэн решил, что не помешает собрать побольше, если представится случай.

К тому же таких, как он, кто охотится за этими вещами, наверняка немало. В конце концов, в представлении многих эти вещи дороги. Даже если деньги обесценятся, на золото и серебро всегда можно выменять еду!

Нин Циянь смотрел на Ду Чэна со сложным чувством, в котором преобладало изумление.

Даже он, переживший однажды жизнь после землетрясения, не подумал об этом. А Ду Чэн, даже не будучи перерожденцем, лучше него приспосабливался к будущей среде обитания.

Ду Чэн мыслил верно. В первые два года, из-за продовольственного кризиса и резкого изменения обстановки, когда люди ещё боролись за выживание на грани голода, золото, серебро и украшения было трудно сбыть — ими ведь не насытишься. Но к третьему году, когда порядок начал стабилизироваться, то ли под контролем правительства, то ли естественным путём, драгоценности действительно начали быстро расти в цене. А поскольку эти вещи не являются предметами первой необходимости, правительство ещё долго не разрешало их добычу и переработку. Следовательно, можно было предположить, что до тех пор, пока правительство не снимет запрет, ценность золотых и серебряных изделий будет только расти.

Разумеется, при условии, что владелец сможет сохранить их до того времени.

— Может, завтра мне тоже поискать? — Нин Циянь, подумав об этом, загорелся.

Ду Чэн слегка улыбнулся. Ему нравилось видеть Нин Цияня таким — с горящими глазами, полным надежды. Но, сохраняя рассудок, он покачал головой.

— Тебе нельзя. Не говоря уже о том, найдёшь ты что-то или нет, даже если найдёшь, на тебя обратят внимание.

А сам Ду Чэн умел ускользать от чужих взглядов.

Девять лет тюрьмы, даже если раньше он ничего не знал, под влиянием такой среды и такого окружения он легко освоился с тёмными делами.

Прошлой ночью он как раз думал о том, что девять лет тюремного заключения, возможно, были даром небес. Они помогли ему легко найти способы выжить в этом разрушенном социальном порядке, и он был более приспособлен к жизни по законам джунглей, чем подавляющее большинство людей. Только таким он и мог лучше защитить Нин Цияня, всегда стоять рядом с ним и оберегать его. А Нин Цияню достаточно было оставаться самим собой, таким, как сейчас. Не нужно было заставлять себя погружаться в темноту.

Нин Циянь немного разочаровался, но понимал, что Ду Чэн прав. Если придётся столкнуться с кем-то, с его-то хлипким телом и без Ду Чэна рядом он будет просто лёгкой добычей.

Ду Чэн видел, как Нин Циянь надул губы от досады. Пальцы его дрогнули, но он не удержался и взъерошил ему волосы.

— Если не устал, можешь завтра взять Дабао и спуститься вниз, поискать чего полезного на тех участках, где уже поработал спасотряд. Сверху взяли под контроль только крупные супермаркеты и склады с продовольствием, а мелкие продуктовые лавочки в жилых кварталах

и тому подобные места не тронули, — сказал Ду Чэн.

Глаза Нин Цияня засияли. Он кивнул. В прошлой жизни в это время он всё ещё залечивал раны дома, и вся еда, которую они получали, была тем, что Ду Чэн приносил днём из спасотряда, а ночью выкапывал из-под завалов. Хотя сейчас у них было припасено немало припасов, всего, что можно съесть или использовать, много не бывает.

Вечером они поджарили яичницу с огурцами, открыли баночку солений и сварили маленькую кастрюльку супа из морской капусты — вполне сытный ужин.

После ужина, умывшись, они рано легли спать.

На следующий день едва рассвело, Нин Циянь встал пораньше, разогрел на пару овощные булочки, а из оставшегося с вечера риса, смешав его с соленьями, скатал пять кулаков размером с рисовые шарики, завернул каждый в пищевую плёнку и положил в поясную сумку, которую только что нашёл, чтобы Ду Чэн взял с собой. А в рюкзак на плече Ду Чэн должен был складывать вещи, найденные в развалинах, — он всё равно уже был грязным.

Когда Ду Чэн, позавтракав, вышел, Нин Циянь вернулся в пространство. Он обошёл все загоны, добавил корма и воды, всё проверил, затем пристегнул к ошейнику Ду Дабао поводок и вышел с ним на улицу.

От их квартала до университетского городка было рукой подать, и разрушения в этом районе были не очень серьёзными, так что спасательные работы продвигались быстро. К этому моменту спасательные отряды уже постепенно продвигались в сторону центра города, поэтому в этой местности бродило немало выживших из пунктов временного размещения, не вступивших в отряды, которые рылись в поисках добра. Нин Циянь, ведя Ду Дабао на поводке, не стал задерживаться поблизости, а двинулся по дороге в сторону центра. Примерно через полчаса, когда издалека донеслись крики спасателей, работающих в центре, Нин Циянь остановился и огляделся.

Хотя это место всё ещё было недалеко от университетского городка, это был старый район. В отличие от внешних кварталов, построенных несколько лет назад, здесь и подземные коммуникации, и сами здания по большей части обрушились во время землетрясения.

Привязав поводок к поясу, чтобы Ду Дабао не потерялся, Нин Циянь начал искать что-то возле вывески рухнувшей булочной.

Определив примерное место, он надел перчатки и принялся расчищать битый кирпич, обломки оконных рам и прочий мусор. Ду Дабао вёл себя очень послушно: держался на шаг позади Нин Цияня, не бегал, не прыгал и не путался под ногами.

Нин Циянь выбрал точное место — обошёл переднюю часть булочной и начал расчищать завал немного дальше от входа. Вскоре он наткнулся на сплющенный круглый предмет, похожий на

поворотный столик для украшения тортов. Покопавшись ещё, он отыскал несколько жестяных банок с декоративными конфетами. Убедившись, что банки лишь помяты, но не повреждены, он сложил их в рюкзак. Затем нашёл ещё немало муки, сахара и прочего. Всё вскрытое или повреждённое он откладывал в сторону — из-за отсутствия острого дефицита еды, а также из-за ограниченности пространства и домашних запасов, он собирал только неповреждённые продукты.

На то, чтобы перерыть одну только булочную, ушло почти полдня, но результат был неплохим. Двенадцать мешков муки по пятьдесят цзиней, сахар, шоколад, жирные сливки — и это ещё не всё.

Однако вещей было слишком много, а Нин Циянь не мог просто так закинуть их в пространство. Глядя на собранное, он призадумался.

Помучившись сомнениями, он не успел ничего придумать, как на обочине остановился грязный автобус.

Нин Циянь поднял голову. Из окна передней части автобуса высунулась голова.

Сначала сидевший в автобусе посмотрел на кучу вещей, сложенных рядом с Нин Цианем, потом на тот мусор, который он отбраковал и тоже выгреб, но не взял, и широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Братан, помочь?

Хотя лицо и одежда говорившего были в грязи, всё равно было видно, что на нём камуфляж.

Нин Циянь успокоился и с улыбкой ответил:

— Вещей многовато, одному не унести.

Дверь автобуса открылась, паренёк, который кричал, спрыгнул на землю, в несколько шагов подбежал к Нин Цияню и, указав на кучу явно испорченных припасов в стороне, спросил:

— А то, вон там, тебе не нужно?

Нин Циянь покачал головой.

— Там упаковка порвана, я это брать не собираюсь.

Паренёк обрадовался.

— Мы доставим тебе всё это до дома. А ту кучу возьмём как плату за проезд.

Нин Циянь не возражал. Всё равно это то, от чего он отказался. Если кому-то это нужно, значит, он не зря тратил силы, выкапывая.

Как только Нин Циянь кивнул, паренёк махнул рукой, и из автобуса вышли ещё трое военных в камуфляже. Сначала они помогли загрузить в автобус то, что собрал Нин Циянь, а затем перенесли и другую кучу.

Узнав адрес Нин Цияня, автобус тронулся с места.

Только сев в автобус, Нин Циянь узнал, что с десяток солдат в этой машине — один взвод, приписанный к пункту временного размещения при университете. Они непрерывно работали на спасательных работах уже сутки, и сейчас как раз настала их очередь возвращаться на отдых. То, что они по пути подобрали ту еду, от которой отказался Нин Циянь, стало для них неожиданной удачей. Хотя выделяемого продовольствия сейчас было немало, но расход энергии у них был огромный. Даже несмотря на то, что крупные хранилища продуктов были взяты под контроль в первую очередь, оставались ещё миллионы выживших, которых нужно было кормить. Поэтому на каждый приём пищи им доставалось ровно столько, чтобы не умереть с голоду, но наесться было трудно. К тому же, как военнослужащие, участвующие в спасательных работах, они не имели права на двойной паёк, как гражданские. Сейчас спасение людей стояло на первом месте, и, даже зная, что под завалами полно еды, они старались не обращать на это внимания и не думать об этом — они ели ровно столько, сколько выдавало начальство.

Но если подвернулась возможность получить дополнительное довольствие, они, конечно, были не против.

Водитель явно хорошо знал дорогу после землетрясения: петляя и объезжая, он меньше чем за двадцать минут добрался до квартала Нин Цияня. Трое военных вышли и помогли донести вещи до квартиры. Нин Циянь, делая вид, что достаёт из рюкзака, вынул коробку «Сникерса» и, несмотря на отнекивания парня, силком всучил её ему.

Это и была его настоящая плата за проезд. А то, от чего он отказался после сортировки, пусть забирает кто хочет — ему всё равно.

http://bllate.org/book/18708/1808063